

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

**Мария
АРБАТОВА**

Общая 123 -
- 1999 -
4-10-сент -
- с. 5

Телемужчина-97

Мне доводилось читать студентам лекции на тему «Образ женщины на российском телеэкране» про то, как дикторша с холодным носом и прической «Бабетта идет на войну» медленно и трудно меняется на Светлану Сорокину и Татьяну Миткову. Подобных исследований противоположного пола делать не приходилось, публичной деятельностью мужчина занимается в нашей стране давненько, а не с 1917 года; вроде ему и карты в руки. Однако последний сезон опечалил меня.

Основные шоумены страны держат образ современника на усталых плечах, оседаая в среднестатистическом мужском сознании как «я себя под Якубовичем чищу», в среднестатистическом женском как «плохой, да мой».

Разумеется, я гляжу на шоуменов с позиции той рубрики, которую веду.

Кажется, мы ходили в детский сад, а Познер и Сенкевич уже, прищурясь, улыбались нам. А что сейчас? Оба густо отполированы временем и успехом, не молоды, не красивы, не заигрывают, не пугают. И от обоих совершенно невозможно оторваться. Потому что раз и навсегда попали в здоровую интонацию, ибо считали, что решать собственные психологические проблемы на зрительской аудитории неприлично. А прилично наоборот — решать психологические проблемы самой зрительской аудитории.

Существует тест: человека сажают в комнату со смещенной перспективой и просят найти вертикаль. Большинство обследует новый рельеф. Меньшинство, относящееся к внутренне состоятельным людям, говорит: «Вертикаль — это я». Очень немногие телеперсоны мужского пола являются такой вертикалью. У большинства эту функцию несет на себе истошный крик, нагромождение кривляний, фирменная пошлость, деталь интерьера или туалета.

К телебомонду я отнесла бы Марусева, Гурвича, Гуревича и Олешковского, но это не их заслуга в поисках жанра, а только внутренний багаж, с которым они к своему возрасту оказались. Сюда же определила бы в меру стебающихся интеллектуалов: самого изысканного парня российского телевидения — Гордона, отвязанного Троицкого, обаятельного Крупнина и Макаревича, которому, чтобы нравиться зрителю, достаточно просто стоять перед камерой. Компания хороша потому, что никого, кроме самих себя, не изображает.

За ними идут аналитики: мягкий и очень внятный Сванидзе; многозначительный Киселев, с налетом совковой мидовщины — «где-то как-то кто-то готовит что-то, и мы понимаем, что кому-то это выгодно»; и Кучер, ощущающий себя, видимо, в силу возраста, политическим диск-жокеем, что бросает тень несерьезности на транслируемую информацию.

Не менее приятно смотреть на молодежь: Кизякова, Бодрова и Легостаева. Красивые, остроумные, тактичные, тонкие; без ложного суперменства, искрение. Господа из «Времечка» тоже радуют отсутствием нажима и отчетливым пониманием своей роли на экране, не грешат суетой под клиентом и мессианским апломбом.

Сложная категория для меня дипломно-космо-политическая, к ней отнесла бы Якубовича, Ярмольника, Лысенкова и Пельша. У Ярмольника и Лысенкова дипломы актерские, у Пельша — почти что. Якубович по образованию технарь, но в застойные годы писал для Министерства культуры пьесы о прелести советской жизни. Так что можно тоже считать артистом. Всех четверых объединяет редкая способность к искусственному самовозбуждению перед камерой, именуемая в простонародье «самец-затейник».

Можно было бы добавить в эту команду Угольников и Фоменко, но они артисты просто упустившие, что ни одно их достоинство не выдержит такого мельтешения на экране.

Завершая список, я, наконец, подошла к самым сложным для меня воплощениям телевизионной мысли: Караулов, Доренко и Леонтьеву. То, как Караулов не любит собеседника, напоминает поведение детоненавистника, занимающего штатную единицу педиатра. Караулов по прежней профессии театральный критик и изучал в ГИТИСе систему Станиславского, в котором существует либо «пристройка сверху», либо «пристройка снизу». В этом смысле изысканно выглядят показанные в один день передачи с Явлинским и Лебедем, когда в первой господин Караулов сидит развалясь и почти пепел страхивает на собеседника, а во второй мостится на краешке кресла и заглядывает в глаза. У ведущего нет собственной вертикали. Однако Караулов хотя бы демонстрирует себя без бумажки, на резервах натиска и памяти.

Новый тип аналитика, устремленного пустым глазом не в зрителя, а в телесуфлера, но при этом считающий не информацию, а душещипательный монолог, не перестает возбуждать мое воображение. В шоу-бизнесе это называется работать «под фанеру» и глубоко осуждается общественностью. Если Доренко и Леонтьев читают с телесуфлера то, что сами написали, почему бы на их место не посадить хороших актеров. Если они это еще и не сами написали, а творческим коллективом, то тем более. Если вычест из передачи сделанный заранее текст, стоимость обслуживания телесуфлера и маски — доренковский прикид вышибалы из провинциального ночного клуба и леонтьевский образ обиженного тусовщика, много лет точившего жало, — останется довольно мало. Останется градус хамства в обсуждении политической ситуации, который авторы передач, вероятно, предполагали выдать за доверительную интонацию. Помнится, в коммунистической номенклатуре ласковый мат означал допущение в «ближний круг».

«Немцов забегал, как таракан», — сообщает Доренко в политическом обзоре. «Чубайс строит из себя девочку», — пытается не отстать Леонтьев. «Правительство похоже на Сонечку Мармеладову, зарабатывающую на панели для голодной семьи», — старательно читает Доренко по телесуфлеру. «Вот где зарыта социально-психологическая собака», — переносит Леонтьев со своего экрана с крупными буквами на наш, с леонтьевским лицом: «Девушка Беляна Плавшич находится в большой эмоциональной близости с девушкой Мадленой Олбрайт, и обе девушки имеют стержневые характеры». Что же это такое за «с Пушкиным на дружеской ноге»?

Я вполне понимаю, когда подобной лексикой учащийся техникума склоняет к близости доярку.

Я, как гоголевская невеста, мечтала бы к интеллигентности Познера добавить мужское начало Сенкевича, обаяние Гуревича, блеск Гордона, ослабленность Троицкого, фигуру Крупнина, улыбку Макаревича, мягкость Сванидзе и молодость Бодрова.

Мне на все это заметая, мол, и женщины не лучше, и, вообще, на себя посмотри. Но я же с самого начала напомнила — женщины пришли в публичную деятельность всего восемьдесят лет назад.